

У Шэнь Юя появилось ощущение, что его покусывают за шею. После того раза, Шан Цзюньлинь не осмеливался применять слишком много силы. Кончиком зубов он отщипнул небольшой кусочек кожи, проделывая с ним лёгкие движения.

Это чувство, без сомнения, было более невыносимым, чем настоящая боль.

Мужчина заранее крепче обнял Шэнь Юя. Не в силах пошевелиться, благородный монарх мог только позволить императору делать то, что он хотел.

«Разве Ваше Величество решилось на это?» спросил Шэнь Юй нетвёрдым голосом.

Прежде чем Шэнь Юй встретился с Гу Хуаем один на один, он упомянул Шан Цзюньлиню, что такое может произойти. Однако он считал более вероятным, что Гу Хуай поговорит напрямую с Шан Цзюньлинем. В конце концов, Гу Хуай, которого он помнил из своей прошлой жизни, всегда был безжалостным и решительным человеком. Чтобы достичь своих целей, он откладывал всё остальное в сторону.

Поскольку Императорский Врач Гу всё ещё был в его жизни, можно сказать, что этот сумасшедший волк добровольно заковал себя в цепи.

«О чём думает благородный монарх?» Зная, что Шэнь Юй отвлёкся, Шан Цзюньлинь увеличил силу своих объятий, как будто хотел наказать его.

В одно мгновение у Шэнь Юя не осталось времени на другой ответ.

«Я думаю, что Ваше Величество просто находит случайные причины, чтобы укусить меня» проворчал Шэнь Юй.

«Как может благородный монарх так думать? Если бы благородный монарх был готов проявить инициативу, этому императору не пришлось бы самому приходить к тебе».

Влажное ощущение блуждало по шее Шэнь Юя, оно поднималось вверх, мимо изящной линии челюсти и нежного подбородка, и, наконец, опустилось на уголок его губ.

Шан Цзюньлинь уставился на чужие мягкие губы, которые были так близко, и его глаза потемнели, как бездна. Он целовал эти самые губы, когда молодой человек был без сознания. Несмотря на горечь лекарства, император до сих пор не мог забыть, что чувствовал в тот момент, когда прикоснулся к ним.

Они были такими мягкими.

С теплом тела молодого человека, простое прикосновение к нему могло вызвать неописуемое трепетное чувство.

В то время он спешил помочь благородному монарху с лекарством, он заставил себя не обращать внимания на всё остальное. Только когда император вспомнил об этом чуть позже, чувства, которые он отодвинул в сторону, всплыли из глубин его памяти.

Они глубоко укоренились в его сознании.

Чувствуя, как дыхание мужчины становится всё ближе и ближе, Шэнь Юй наклонил голову, и поцелуй, который должен был упасть на его губы, приземлился в уголок рта.

Сила движений мужчины немного уменьшилась после этого движения. Шэнь Юй упрямо отвёл взгляд и не позволил своим губам встретиться с губами Шан Цзюньлиня.

«Почему А Юй не хочет продолжать?» Шан Цзюньлинь не заставлял его. Он продолжал покусывать и поклёвывать лицо Шэнь Юя, оставляя ему ощущение покалывания.

Сам Шэнь Юй не мог назвать причину. Но в то же время он не мог избавиться от чувства обиды. «Отпустите меня».

Шан Цзюньлинь пошёл на компромисс.

Он успокаивающе поцеловал Шэнь Юя в лоб и успокоился.

Шэнь Юй соскользнул с колен Шан Цзюньлиня и сел в сторонке с несколько ошеломлённым выражением лица.

«Почему ты чувствуешь себя таким обиженным?» Шан Цзюньлинь встал и присел на корточки перед Шэнь Юем. «А Юй, мы с тобой мужья. Для нас нормально заниматься подобными интимными вещами. Я знаю, что ты, возможно, пока к этому не привык. Я подожду, пока ты адаптируешься».

Он дал ему свободу действий, но достаточно твёрдо, чтобы не получить отказа.

Шэнь Юй в замешательстве дотронулся до своего лица. «Неужели я настолько очевидно показываю свои эмоции?»

«А Юй выглядел достаточно несчастным, этого хватило, чтобы дать пощёчину этому императору». Шан Цзюньлинь взял Шэнь Юя за руку и нежно сжал её. «Мы с тобой мужья, и для нас нормально заниматься всевозможными интимными вещами».

Шэнь Юй не понимал, что он чувствовал. Он не сопротивлялся близости с Шан Цзюньлинем. Ему это даже чем-то нравилось. Но он просто не хотел прорываться через эту последнюю черту. Как будто в темноте что-то было и предупреждало его - как только ты преодолеешь эту точку, произойдёт то, чего ты не хочешь видеть.

«Я знаю» прошептал Шэнь Юй после минутного молчания. «Я буду...»

Шан Цзюньлинь прикрыл рот Шэнь Юя рукой, прервав его прежде, чем он смог заговорить дальше. «Это вина этого императора в том, что он заставил А Юя чувствовать себя неловко. А Юю не нужно заставлять себя угождать мне».

Чего хотел Шан Цзюньлинь, так это добровольных действий Шэнь Юя. Он чувствовал, что у благородного монарха в сердце завязался узел. Хотя император и не знал, от чего этот узел, он найдёт способ развязать его.

«Ваше Величество, обнимите меня». У Шэнь Юя не было желания грустить, он отогнал эти сбивающие с толку мысли, сказав себе: просто позволь природе идти своим чередом. Что бы ни случилось, он верил в свою способность справиться с этим.

Шан Цзюньлинь встал, наклонился и крепко обнял Шэнь Юя.

Холодный аромат мужчины постепенно заполнял пространство вокруг него. Окружённое этим знакомым ароматом сердце Шэнь Юя мало-помалу успокоилось.

Шэнь Юй обнял мужчину за талию и уткнулся лицом в его плечо, потёршись о него. «Когда мы вернёмся во дворец, я приготовлю чай для Вашего Величества. Что любит пить Ваше Величество?»

«Этому императору понравится всё, что приготовит А Юй».

События на горе Цанци вызвали большой переполох. Несмотря на соблюдавшуюся секретность, некоторые министры слышали о покушении на Его Величество и благородного монарха. В то же время они узнали о том, что Шан Цзюньлинь вывел Шэнь Юя из дворца.

Предостережения летели, как снежинки. Все говорили Шан Цзюньлиню, что он должен оставаться в императорском дворце и не валять дурака.

Повезло, что на этот раз ничего не случилось, но кто мог гарантировать, что ничего не случится в следующий раз или потом? Что, если...

Шэнь Юй наугад перевернул несколько страниц мемориалов, которые были сложены на низком столике. В каждом из них говорилось одно и то же - Шан Цзюньлинь должен вернуться во дворец.

Шэнь Юй почувствовал, что немного потерял дар речи. «Это всё, о чём они пишут?»

«Появилось ещё несколько серьёзных проблем». Шан Цзюньлинь указал на небольшую стопку мемориалов перед собой.

Шэнь Юй положил мемориалы, которые держал в руке, и сел рядом с Шан Цзюньлинем. «Ваше Величество должны оставить неважные дела вашим министрам. Это пустая трата времени для Вашего Величества - смотреть каждый мемориал лично».

«То, что сказал благородный монарх, разумно. Почему бы тебе не помочь этому императору разобраться с ними?»

«И, кстати, может отдать неважные бумаги мне?» Шэнь Юй подтолкнул локтём Шан Цзюньлина.

«Благородный монарх действительно разделяет мнение этого императора». Сказав это, Шан Цзюньлинь передал некоторые мемориалы Шэнь Юю.

Шэнь Юй увидел на одном из них имя Министра Фана, он вынул бумаги из конверта и положил их перед Шан Цзюньлинем. «Было ли решено дело Короля Юэ?»

Шан Цзюньлинь открыл мемориал и увидел, что в нём содержится часть информации, найденной Министром Фаном. Подробности дела будут представлены в виде материалов после того, как всё станет рассмотрено.

«Нам придётся подождать ещё немного». Шан Цзюньлинь хотел проверить, какие силы предыдущий император оставил Королю Юэ.

В тёмной тюрьме:

Король Юэ думал, что его быстро освободят, но по прошествии нескольких дней он не мог не начать паниковать.

Никто не пришёл его допрашивать. Кроме тюремных охранников, которые приносили еду два

раза в день, он почти никого больше не видел. Как будто Шан Цзюньлинь забыл о нём.

Ожидание всегда мучительно, а поговорить было не с кем. Королю Юэ становилось всё труднее и труднее терпеть это.

Он не мог отделаться от мысли: почему Шан Цзюньлинь не допрашивал его? Где были его люди? Почему вообще нет никакого движения? Что сейчас происходило снаружи? Шан Цзюньлинь действительно осмелился повернуть такое против него. Неужели он действительно собирался игнорировать покойного императора?...

Самым сильным достоянием Короля Юэ были вещи, оставленные ему предыдущим императором. Именно из-за них у него было так много решимости. Очевидно, он был любимым принцем императора. Если нет, то зачем тогда император отдал ему все эти вещи?

Человеческие амбиции легко воспитать, не говоря уже об амбициях принца, которому с рождения внушали бороться за власть.

С каждым днём Король Юэ становился всё более и более встревоженным. Наконец, когда тюремщик пришёл, чтобы принести еду, он не удержался и крикнул: «Я хочу видеть Его Величество!»

Тюремщик знал личность этого человека, но ему было сказано держать его взаперти и больше ничего не делать. Он не знал, что было на уме у людей свыше. Тюремщик не посмел ничего скрывать, поэтому он сообщил о случившемся.

В мгновение ока Шан Цзюньлинь получил известие из тёмной тюрьмы.

«Ваше Величество собирается прийти к нему?» Шэнь Юй сидел у окна. Он держал рукав в одной руке, а чайник в другой и медленно разливал дымящийся кипяток в чашки.

Красавец сидел перед окном, готовя чай свободными плавными движениями. Как бы на него ни смотреть, это был праздник для глаз императора.

К этому времени они уже вернулись во дворец. Учитывая, что так много министров настаивали на том, чтобы Его Величество вернулся, для улучшения состояния здоровья Шэнь Юя, было лучше приехать сюда, чем оставаться снаружи. Обсудив этот вопрос, они решили закончить свои «каникулы» досрочно.

После того, как они вернулись во дворец, министры успокоились. Наконец, Шэнь Юю не нужно было перебирать груды мемориалов, чтобы найти всё те, в которых императору советовали вернуться. Он почувствовал облегчение.

Шан Цзюньлинь подошёл к Шэнь Юю и сел напротив, восхищаясь движениями молодого человека. «Нет никакой необходимости так смотреть на меня».

Он предпочёл бы остаться во дворце Ючжан с Шэнь Юем, чем встретиться с Королём Юэ. Было приятно находиться здесь, даже если он ничего не делал.

Шэнь Юй вскоре закончил и поставил заваренный чай перед Шан Цзюньлинем. «Может быть Ваше Величество попробует?»

Шан Цзюньлинь сделал маленький глоток. Нежный аромат надолго задержался у него во рту. «А Юй - хороший умелец» похвалил он.

«Мне довелось учиться этому в свободное время. Я буду заваривать такой чай до тех пор, пока он будет нравиться Вашему Величеству». Шэнь Юй тоже налил себе чашку. Он научился заваривать чай в своей прошлой жизни, когда отправился в вотчину Короля Юэ. Это было частью плана помочь Королю Юэ завоевать расположение учёного. Позже это превратилось в хобби.

Из-за здоровья, было много вещей, которые Шэнь Юй не мог сделать. Когда он заварил чай, его разум успокоился, и он перестал думать обо всех этих схемах и конфликтах. Со временем это вошло в привычку.

«Интересно, догадались ли Молодой Мастер Цзян и Молодой Мастер Хэ, кто мы такие» сказал Шэнь Юй, держа в руках чашку чая. «Я надеюсь, что они оба успешно сдадут экзамен».

Шэнь Юй не был уверен в Хэ Чэньюе, потому что он никогда не сталкивался с ним в своей предыдущей жизни, но он знал, что пока Цзян Хуайцин не будет ни в чём не замешан, у него всё получится.

«А Юй настроен оптимистично по поводу них?» Шан Цзюньлинь потёр чашку в руке. «У А Юя действительно хорошие глаза. Хэ Чэньюй - самый выдающийся человек в молодом поколении семьи Хэ из Цзяннани. Его семья не служила со времён правления предыдущего императора. Этот император не знает, почему они хотят позволить ему стать чиновником».

«Может быть, они думают, что Ваше Величество - это тот, кому они могут быть верны. Почему Ваше Величество удивляется этому? Если Хэ Чэньюй так хорош, как многие говорят, разве служение стране не лучший способ для него продемонстрировать свою силу?»

Иначе, зачем бы существовала поговорка: «Изучай гражданские и военные искусства и вноси свой вклад в императорскую семью*».

*поговорка о том, что стоит изучать литературное или боевое искусство, но конечная цель - внести вклад (или «предложить товар» 貨物) в императора или двор

«А Юй действительно...» Шан Цзюньлинь покачал головой. «Этот император видит, что А Юй уделяет пристальное внимание Цзян Хуайцину. Он действительно такой выдающийся человек?»

«Как бы мне выразиться? Почему бы мне не заключить пари с Вашим Величеством? Если Цзян Хуайцин станет лучшим на учебном конкурсе, выполнит ли Ваше Величество мою просьбу?»

«Если А Юй проиграет, ты возьмёшь на себя инициативу поцеловать этого императора?» Шан Цзюньлинь указал на свои губы. «Сюда».

Шэнь Юй подумал об этом и согласился.

Мэн Гунгонг вошёл, склонив голову. «То, что приказало Ваше Величество, было сделано».

Шан Цзюньлинь поставил чашку с чаем и встал. «А Юй, подойди к этому императору. Я тебе кое-что покажу».

«Что?»

Шан Цзюньлинь подошёл к Шэнь Юю и они вышли.

Мэн Гунгонг следовал за ними, уткнувшись носом в грудь, и думая про себя: Его Величество действительно уделяет всё больше и больше внимания благородному монарху. Теперь, когда они вместе, они даже не особо соблюдают императорский этикет.

Проходя по дорожке, они увидели столетнее дерево с крепкими ветвями. Под ним находились тихо подвешенные качели.

«Этот император не смог починить тебе те качели, поэтому я попросил сделать новые в соответствии с твоими предпочтениями. Они тебе нравятся?» Шан Цзюньлинь посмотрел на лицо молодого человека, и его глаза наполнились нежностью.

<http://bllate.org/book/14424/1275131>